

Подвижники русской старины

Истоки славянской филологии

Татьяна Громова

С тех пор, как в «Повести временных лет» была осознана и письменно зафиксирована идея славянской общности, интерес к ее прошлому и настоящему проявляли многие русские ученые, каждый из которых внес более или менее значимый вклад в славистику. По общепринятому мнению, как филологическая научная дисциплина, занимающаяся изучением языка и литературы славянских народов, их древностей, изданием и критикой древнейших письменных памятников, славяноведение возникло во

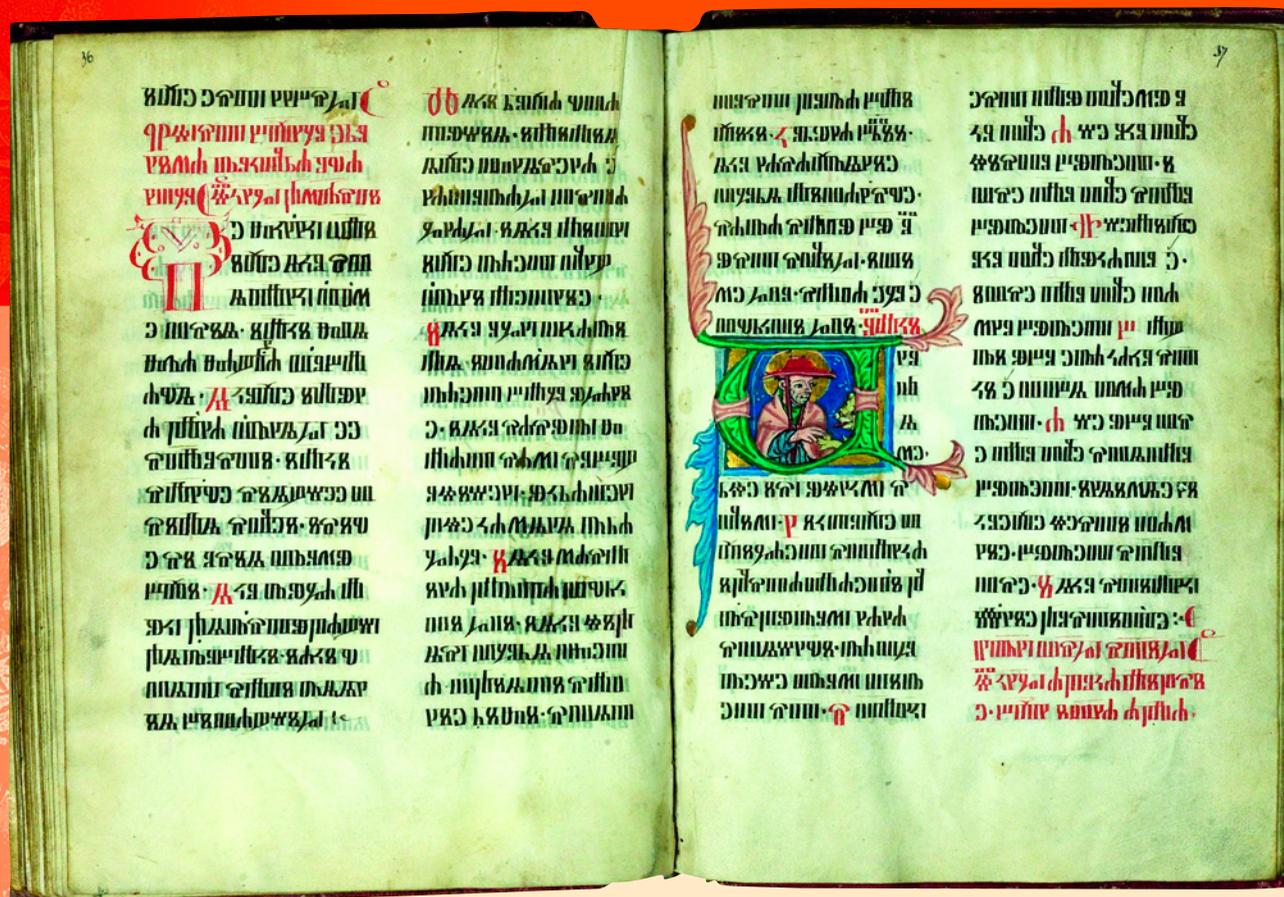
2-й половине XVIII века. Первым же «кирпичиком» в здание славистики вполне заслуженно можно считать исследования подложных рукописей «Соборное деяние», Требник митрополита Феогноста и «Диаконские ответы», проведенные старообрядцами Выгорецкой пустыни Андреем Денисовым, Мануилом Петровым и Леонтием Федосеевым в 1719 и 1723 годах.

Для становления науки, огромное значение имели труды Михаила Васильевича Ломоносова, обратившего внимание на

Первым «кирпичиком» в здание славистики вполне заслуженно можно считать исследования подложных рукописей «Соборное деяние», Требник митрополита Феогноста и «Диаконские ответы», проведенные старообрядцами Выгорецкой пустыни Андреем Денисовым, Мануилом Петровым и Леонтием Федосеевым в 1719 и 1723 гг.

← Райская птица Алконост. Пермогорская роспись Архангельского края. XIX в. Государственный историко-художественный музей, Сергиев Посад, Россия.

Райская сказочная птица, самое раннее изображение которой встречается в книжной миниатюре XIII века, – один из излюбленных персонажей славян. Образ Алконоста хорошо известен как по памятникам древнерусской литературы, азбуковникам XVI–XVII веков, так и по народному прикладному искусству, лубочным картинкам.

Глаголическая часть Реймского евангелия. XIV в. Университетская библиотека, Реймс, Франция.

Во 2-й половине XIX столетия появились специальные славистические периодические издания, возникли славистические научные общества. Кажется, нет такого русского ученого-филолога, который в той или иной степени не посвящал себя славянской истории, славянскому этногенезу, лингвистическим исследованиям или изучению кириллической письменности.

родство славянских языков, роль церковно-славянского языка в формировании русского литературного языка, и историческую роль славян в мировой культуре.

Интерес к славянскому миру в эпоху Просвещения был столь велик, что уже в начале XIX века стали возникать первые кафедры славяноведения в университетах. И не только в славянских странах, но и в Парижском, Венском, Лейпцигском, Берлинском, Будапештском и других европейских высших учебных заведениях.

В России они были открыты в 1830-е годы при Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском университетах. Это позволило всего за несколько десятилетий накопить богатый исторический, филологический, лингвистический и этнографический материал, и провести колоссальную работу по описанию рукописей, обработке древнеславянских текстов, созданию словарей, грамматик, фольклорных собраний.

Особый подъем славистики наблюдается во 2-й половине XIX столетия. Появились

Страница «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного. Написан каллиграфическим полууставом на древнерусском языке. Вторая половина XVI в. Из собрания Российской национальной библиотеки, Москва.

Рѣчь црѣвѣ еѣго . казнь прѣдъ ѡбърѣа
 и гнѣва . крѣ ѡспрѣдѣ целникын .
 ѣртвѣдн мѡрд . и мѣже градѡ дѡ р .
 такѡ о немъ еписѣа еѡудрѣтн дѡ :

специальные славистические периодические издания, возникли славистические научные общества. Кажется, нет такого русского уче-

ного-филолога, который в той или иной степени не посвящал себя славянской истории, славянскому этногенезу, лингвистическим иссле-

дованиям или изучению кириллической письменности. Монографии на историко-славистические темы сыпались, как из рога изобилия. Особенно популярны были среди российских филологов-славистов проблемы языкознания и мифологии, история, фонетика, грамматика и диалектология славянских языков.

На этом поприще в XVIII-XIX веках проявили себя русские историки В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин, профессора российских университетов О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.И. Прейс, В.И. Григорович, Ф.Ф. Фортунатов, Ф. И. Буслаев, М.Н. Сперанский, А.И. Соболевский. Подъему историко-славистических исследований способствовали труды замечательного русского ученого А.А. Шахматова, посвященные русскому летописанию. Существенный вклад в изучение славянской мифологии внесли А.Н. Афанасьев и В.Ф. Миллер.

Один лишь список блистательнейших ученых умов России, занимавшихся славистикой, так обширен и значителен, что захватывает дух. Но в нем не потерялось и имя врача Почтового департамента Петербурга Ивана Петровича Сахарова (1807-1863 гг.). А меж тем, этим энтузиастом-фанатиком родной старины, не просто немало сделано для славистики, во многом он был первопроходцем. Сахаров создал новый тип научной публикации – альбом лицевой гравюры, орнаментики и шрифтов. Именно он составил одну из первых отечественных библиографий «Летопись русской литературы», помещенную в его книгу «Русские древние памятники», изданную в 1842 году (почему-то анонимно). Сахаров впервые в отечественной литературе описал «Часовник»

Новгородская берестяная грамота 286.
Около 1360-1380 гг.
Новгородский государственный
объединенный музей-заповедник,
Новгород.

*Содержание: От Григория к Дмитру.
Письмо одного сборщика податей
другому – о подтверждении
Ореховецкого мира со Швецией
и вопросах сбора податей с карел.*

Сахаров создал новый тип научной публикации – альбом лицевой гравюры, орнаментики и шрифтов. Именно он составил одну из первых отечественных библиографий «Летопись русской литературы», помещенную в его книгу «Русские древние памятники», изданную в 1842 г.

1565 года Федорова и Мстиславца, а также «Хронологию» Рымши.

Его перу принадлежит один из первых опытов краеведческой библиографии. Работа «Росписи писателям, родившимся и жившим в Тульской губернии», напечатанная

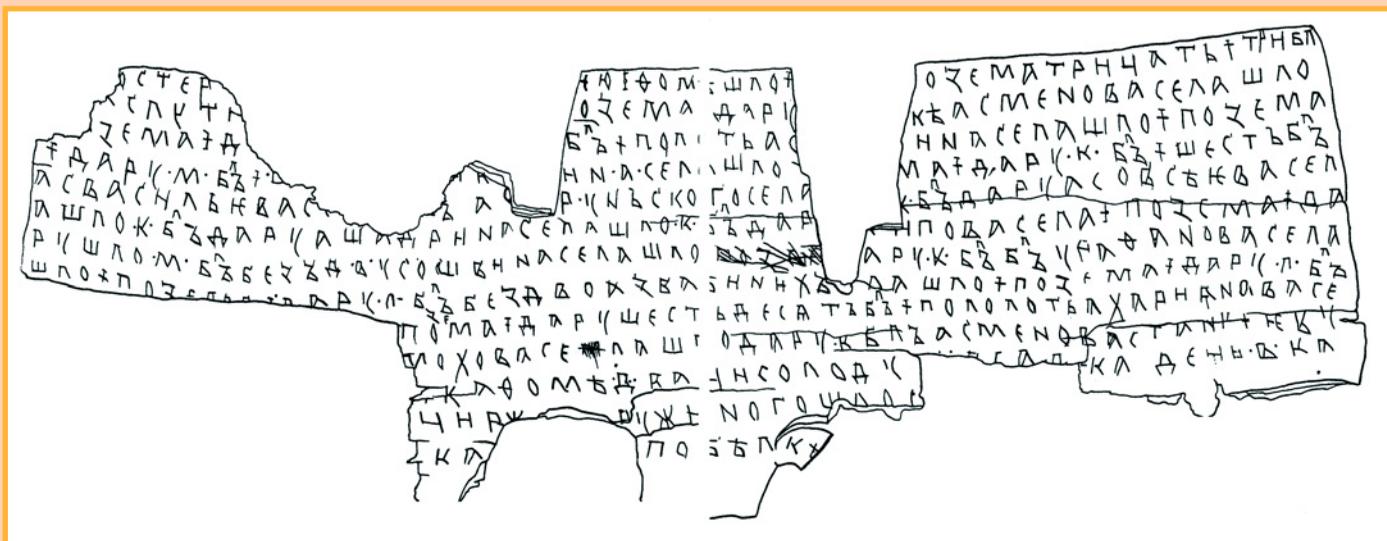
в журнале «Московский телеграф» в 1833 году, собственно, была первой работой и для самого Сахарова.

Жизнь Ивана Петровича с юности кажется «разбросанной»: в 1830 году он окончил Тульскую духовную семинарию, но священником не

стал, а поступил вместо этого на медицинский факультет Московского университета, и служил затем до конца жизни врачом в Почтовом департаменте Петербурга, в последние годы жизни преподавая в свободное от службы время палеографию

Внизу: Прорисовка Новгородской берестяной грамоты 1. Около 1380-1400 гг.
Государственный исторический музей, Москва.

Содержание: Роспись доходов с нескольких сел.

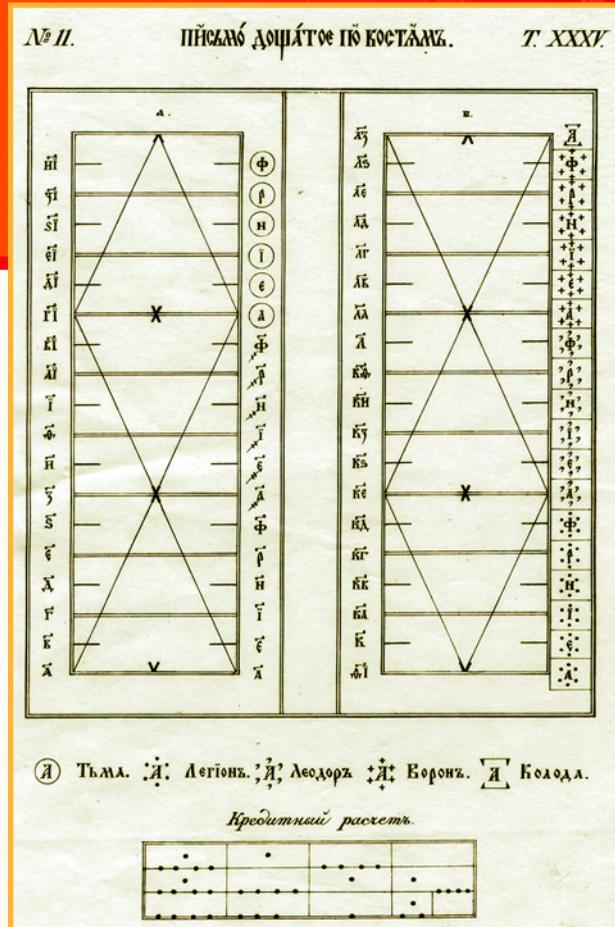

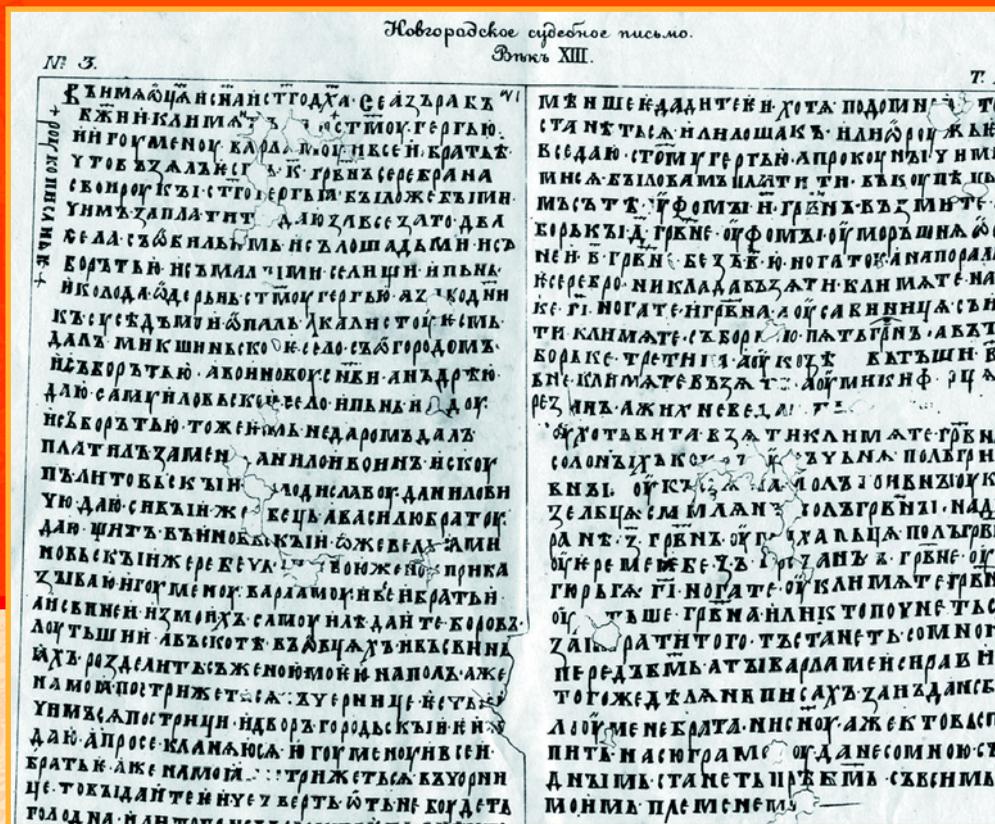
Письмо дощатое по костям.
Из коллекции Ивана Петровича Сахарова.
«Образцы древней письменности». СПб., 1891.
Издатель Н.А. Шигин.

Внизу:
Великий Новгород. Гравюра на меди, XVIII в.

в училище правоверения и Александровском музее.

Но и врачебная карьера, как прежде духовная, похоже, не особенно увлекала Сахарова. Еще в студенчестве занявшись собиранием и изданием материалов по русской истории, этнографии и народной словесности, Иван Петрович проявив недожинную энергию, предприимчивость и целеустремленность. Исключительной популярностью в свое время пользовалась книга Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», в которую были включены заговоры, гадания, загадки, песни, присловья, описания народных обрядов, игр, народного календаря. Его перу принад-

Новгородское судебное письмо XIII в.
Из коллекции Ивана Петровича Сахарова. «Образцы древней письменности». СПб., 1891 г.
Издатель Н.А.Шигин.

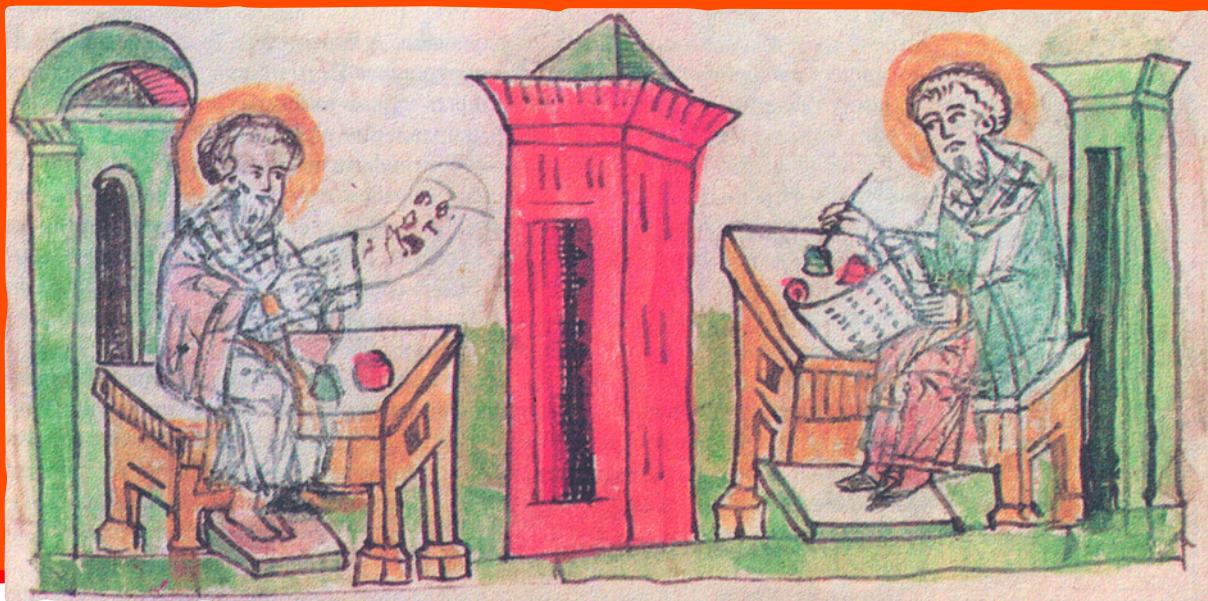

лежат также «Песни русского народа», «Русские народные сказки», «Путешествия русских людей в чужие земли», «Русское народное чернокнижие».

Замыслы Сахарова всегда были грандиозны и превосходили его физические возможности. Так, им был задуман многотомный трактат по истории русского искус-

ства, из которого увидели свет лишь некоторые фрагменты. В 1949 году он пишет «Исследования о русском иконописании», составившие эпоху в историографии древнерусского искусства, параллельно работая над колоссальным трудом «Обозрение славяно-русской библиографии», который столь обширен по своей задумке – издание

Замыслы Сахарова всегда были грандиозны и превосходили его физические возможности. Так, им был задуман многотомный трактат по истории русского искусства, из которого увидели свет лишь некоторые фрагменты. В 1949 г. он пишет «Исследования о русском иконописании», составившие эпоху в историографии древнерусского искусства, параллельно работая над колоссальным трудом «Обозрение славяно-русской библиографии».

Кирилл и Мефодий пишут азбуку.
Миниатюра из Радзивилловской
летописи. XIII в.

предполагалось в 3-х томах, разделенных на шесть книг или десять выпусков, что под силу разве что целому институту.

Хотя в полном объеме этот труд не увидел света, отдельные его части были опубликованы. Прежде всего, это «Хронологическая роспись славяно-русской библиографии», содержащая описание печатных книг с 1491 по 1656 годы. В рукописи сохранилось продолжение этой работы до 1730 года, где приводятся исчерпывающие библиографические справки о каждом включенном издании. Особый интерес представляют приведенные в трактате сведения о местоположении всех известных автору экземпляров старопечатных изданий.

Для второго тома Сахаров подготовил 40 листов снимков древнерусского актового письма и 67 листов репродукций старопечатных изданий. Оттиски были приобретены у наследников Сахарова в 1890 году петербургским книгопродавцем и издателем Н.А. Шигиным, переплетены и выпущены в 1891 году в продажу – в виде двух альбомов: «Образцы древней письменности» и «Образцы славяно-русского книгопечатания с 1491 года».

ОТКРЫТИЕ РУССКИХ СЛАВИСТОВ

Без «Сказания о письменах» историю славянской письменности

представить так же трудно, как историю Руси без «Повести временных лет». Тогда как сведения о нем, дошедшие из-под спуда веков, скудны – известно только примерное время написания рукописи и имя автора – Черноризец Храбр.

Но было ли оно дано при рождении? Один из болгарских исследователей истории славянской письменности, Куйо Куев считает, что это личное имя. По другой гипотезе, это было прозвищем некоего монаха, названного «храбрым» за резкость и решительность полемики с противниками.

Есть версии, что за псевдонимом Черноризца Храбра скрывается болгарский царь Симеон I Великий, с правлением которого совпадает время написания трактата. Авторами называются также ученики Константина и Мефодия – Климент Охридский и Наум Охридский. Есть и более смелые предположения – ряд болгарских исследователей «храбрым черноризцем» считает Кирилла – одного из солунских братьев, составителей славянской азбуки.

Согласно скудным данным об авторе, которые можно извлечь из самого произведения, с одной стороны, целый ряд особенностей текста, например, употребление слов из живого языка жителей Моравии, указывает на то, что он был связан с моравской миссией Константина и Мефодия. С другой стороны, в памятнике говорится, что живы еще

те, кто видел Константина и Мефодия, из чего следует, что Храбр явно принадлежал к поколению более младшему, чем ученики солунских братьев, и не мог быть участником моравской миссии.

Вся эта научная разногласица срок имеет недавний – споры о Черноризце Храбре начались лишь в XIX веке, когда это имя было открыто для науки русскими славистами. Великая заслуга в этом Константина Федоровича Калайдовича, талантливого филолога, историка и археографа. В начале XIX века в болгарской рукописи 1348 года, так называемом «Лаврентиевском сборнике», он обнаружил произведение имевшее заглавие «О писменехъ чръноризца храбра». Когда в 1824 году Калайдович опубликовал палеографические снимки рукописи, имя Храбра стало известно и другим исследователям истории славянской письменности. Позже было найдено еще несколько рукописей с текстом под таким же заглавием, и оно утвердилось в науке как подлинное.